

Джастин Халперн
Пи*ец, сказал отец

Justin
Halpern

**Sh*t,
My Dad
Says**

Джастин
Халперн

Пи*ец, сказал отец

Перевод с английского
Светланы Силаковой

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)(092)

ББК 84(7Coe)-8

This edition is published by arrangement with The Waxman Literary Agency and Synopsis Literary Agency

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Иллюстрация на обложке ВЛАДИМИРА БУРКИНА

Халперн, Д.

X17 Пи*ец, сказал отец / ДЖАСТИН ХАЛПЕРН ; пер. с англ. С. Силаковой.
— М. : Астрель : CORPUS, 2012. — 222, [2] с.

ISBN 978-5-271-44697-9 (ООО “Издательство Астрель”)

Джастин Халперн, расставшись с девушкой, возвращается в родительский дом. Его отец никогда не лез за словом в карман, и Джастин с детства слышал отцовские фразочки — не всегда пристойные, но всегда меткие и остроумные. А теперь стал их записывать и публиковать в “Твиттере”. Поняв, что это интересно миллионам американцев, Халперн решил, отталкиваясь от запавших в память отцовских высказываний, написать воспоминания о своем детстве, отрочестве, юности.

УДК 821.111(73)(092)

ББК 84(7Coe)-8

ISBN 978-5-271-44697-9 (ООО “Издательство Астрель”)

- © Justin Halpern, 2010
- © С. Силакова, перевод на русский язык, 2012
- © А. Бондаренко, оформление, 2012
- © В. Буркин, иллюстрация на обложке, 2012
- © ООО “Издательство Астрель”, 2012
- Издательство CORPUS ®

Имена и отличительные приметы некоторых лиц,
упомянутых в этой книге, изменены,
дабы оградить тайну их частной жизни.
Любое сходство с реальными людьми
(ныне живущими или умершими) —
случайное совпадение.

*Посвящается моим папе и маме,
Дэну, Ивэну, Хосе и Аманде.
Спасибо за любовь и поддержку!*

Вступление

— Да пожалуйста, только прибирайся за собой. А то навалишь говна, как после групповухи... погоди, тебя же девушка бросила? Сочувствую.

Когда мне было двадцать восемь, я жил в Лос-Анджелесе, а моя девушка — в Сан-Диего, и уже третий год я разрывался между двумя городами. Почти каждое воскресенье — три с половиной часа в пробках: сто двадцать шесть миль по Пятой магистрали мой “форд-рейнджер” 1999 года преодолевал с неспешностью черепахи. А иногда вообще глох, беспричинно — такая у него была блажь. В “рейнджере” даже радио было с причудами — принимало только одну радиостанцию. Ладно бы нормальную — но эта крутила исключительно Фло Риду, новую надежду рэпа. Ощущения незабываемые: только выезжаешь на фрифвай, как мотор глохнет, руль блокируется, диджей орет: “А теперь заце-

ните новый трек самого крутого эмси на свете: Фло Рида “Голова кругом”. Он взорвет ваш мозг!”

В общем, как-то я утомился от этих переездов. И в мае 2009-го судьба мне улыбнулась: подтвердилась работа на сайте журнала *Maxim*, которую можно было делать по удаленке — из любой точки земного шара. Все, решил я, переезжаю к своей девушке в Сан-Диего. Вот только девушка почему-то не очень обрадовалась. А именно, когда я приехал к ней домой, чтобы сообщить приятную новость в реале, собственными устами заявила: “Между нами все кончено”.

Отъезжая от ее дома, я вдруг сообразил, что остался еще и без крова: в Лос-Анджелесе я уже предупредил хозяина квартиры, что снимаю ее только до конца месяца. Тут “рейнджер”, по своему обыкновению, заглох. Пока я остервенело пытался расшевелить двигатель, до меня дошло: в Сан-Диего меня могут приютить только родители. Больше никто — нет у меня подходящих знакомых. При мысли о родителях по спине поползли мурашки. Сижу, упрямо, как идиот, проворачиваю ключ зажигания — все напрасно. Краешком глаза замечаю: на террасе дома, прямо перед которым заглох мой автомобиль, уютно устроилось целое

семейство. Черт, еще за извращенца примут: подъехал подрочить на их красоту, не иначе... Но через минуту мотор заработал. Спасен! Я нажал на газ и поспешил к родному очагу.

Почему же я так боялся обратиться к родителям? Понимаете, просить моего отца об одолжении — все равно что подавать иск в Верховный суд: четко излагай факты, продумай аргументы, ссылайся на прецеденты, подтверждающие твою правоту.

Итак, я заявился без предупреждения в неказистый домик на три спальни в Пойнт-Ломе — районе, где традиционно селились военные. И вскоре гостиная превратилась в зал суда, а мои родители — в коллегия судей. Я не замедлил сослаться на прецедент “Папа против моего брата Дэниэла”: в двадцать девять лет Дэн некоторое время “искал себя”, живя под крылышком у родителей.

На самом пике красноречия папа прервал меня: — Да пожалуйста. Хватит разжевывать — не маленькие, сами понимаем. Ты же знаешь: двери нашего дома перед тобой открыты. Только прибирайся за собой. А то навалишь говна, как после групповухи... погоди, тебя же девушка бросила? Сочувствую.

К тому моменту у меня был десятилетний опыт самостоятельной жизни. От родителей я съехал еще когда учился в университете Сан-Диего, еще на втором курсе. Надо сказать, даже в родном гнезде я виделся с мамой и папой нечасто — оба пропадали на работе. Мама работала юристом в общественной организации, папа — в Калифорнийском университете, он у меня врач-радиолог.

За десять лет кое-что изменилось. Правда, мама работала не меньше. А вот папа вышел на пенсию. Как-никак уже семьдесят три стукнуло. И теперь папа сидел дома. Весь день напролет. Почти никуда не выходил.

Итак, я вновь обосновался у родителей. Наступило первое утро на новом старом месте. В полдевятого я выполз из постели и устроил себе “кабинет” — в смысле разложил ноутбук — в гостиной, где папа уже сидел у телевизора. Пора было писать колонку для *Maxim.com*. Дело было вскоре после смерти Майкла Джексона. У меня возникла идея: Иисус Христос, несмотря на дело о педофилии, впустил короля поп-музыки в рай, потому что давно по нему фанатеет. (Потом редактор меня раскритиковал: дескать, у райских врат дежурит не сам Иисус, а святой Петр. Но это

уже мелочи.) Папа глазел на меня и никак не мог понять, что это за работа такая: человек сидит в пижаме, ищет в интернете смешные картинки с Христом... Короче, папа постоянно меня дергал, словно не понимая, что я занят.

— Вулф Блицер мне про Джексона талдычит! Какого хрена! — взревел папа. — Ой, бля, президент сейчас в России, убеждает этих козлов ракеты ядерные убрать на фиг, а этот: “Майкл, Майкл!” Заткнись лучше, Блицер, ну тебя в жопу!

Я продолжал работать. Время от времени папа в растрепанных чувствах прибегал с кухни или со двора и принимался на меня орать:

— Ты что? Я тебе гамбургер сделал, а ты его кетчупом поливаешь?

— Да, а что?

— “А что?” Конь в пальто! Это гамбургер по высшему классу. Не то говно, которое ты себе готовишь. Я старался, время тратил. Вот ни хрена тебе в следующий раз не приготовлю, будешь знать!

Приятно вернуться домой.

Мой папа всю жизнь, сколько я его знаю, выражается без околичностей. В детстве его манеры пугали меня до колик — я же не понимал, что он самый прямодушный человек на свете. Но теперь,

когда я вырос, оказалось, что все вокруг — друзья, родня, коллеги — вечно чего-то недоговаривают. Чем больше я общался с папой теперь, после возвращения домой, тем горячее благодарил его (мысленно) за фантастическую искренность его слов и всей его натуры.

Как-то мы гуляли вдвоем — папа, я и собака Ангус. Пес забрался в живую изгородь у соседского дома и что-то там обнюхивал. Папа обернулся ко мне:

— Глянь-ка ему под хвост.

— Чего-о? Зачем?

— По ширине дырки заметно: вот-вот посрет. О, глянь, началось!

В этот самый момент, когда мой пес справлял нужду на чужом дворе, а мой папа сиял от гордости за свой удачный прогноз, меня осенило: мой отец — настоящий мудрец, серьезно. Даже пророк. Вечером я записал этот диалог и вставил в статус аськи. Вскоре это вошло в обычай: каждый день я записывал папины прикольные фразы и обновлял статус. Потом один приятель посоветовал мне завести аккаунт в “Твиттере” — сохранять папины корки для человечества. Так появился микроблог *Shit My Dad Says*. Первую неделю

у меня было лишь несколько читателей — мои приятели, которые знали папу лично и считали его колоритным дядькой. Но однажды поутру, заглянув в почту, я обнаружил, что стал в “Твиттере” тысячником. А еще через день фолловеров стало десять тысяч. А вскоре — пятьдесят тысяч. Сто тысяч, двести тысяч, триста. Внезапно фото моего папы и его афоризмы стали попадаться на каждом шагу. Мне звонили литературные агенты — вызывались представлять мои интересы. Редакторы с телевидения приглашали на ток-шоу. Журналисты просили дать интервью. Помню свою первую реакцию: “Нехорошо получилось”. И вторую — непреодолимая, неопишуемая словами паника.

Любит ли мой папа привлекать к себе внимание? Ненавидит! И это еще мягко сказано. Приведу пример. Мой папа — образованный, начитанный человек. Как-то вечером, когда я смотрел *Jeopardy!*¹, он зашел в гостиную и правильно ответил на все вопросы Алекса Требека.

— Пап, ты обязательно должен сыграть в *Jeopardy!* Тебе там самое место! — воскликнул я.

1 Телевикторина. Российский аналог — “Своя игра”.

— Сын, да ты что, издеваешься? — взревел папа. — Посмотри внимательно на этих, в ящике. Они что, вообще себя не уважают? Ой, бля, ни стыда ни совести. Ну ты и скажешь иногда. Чтоб я участвовал в этих самых реалити-шоу? Да я их даже смотреть не могу — тошнит!

И вот теперь я понимал: придется признаться папе, что я записываю его слова, выкладываю в интернет, и теперь издательства и телекомпании интересуются авторскими правами. Но я не торопился. Позвонил своему старшему брату Дэну. Надеюсь: он скажет, что нечего переживать по пустякам и папа мне слова дурного не скажет.

— Мать божья, ты что, правда за ним записываешь? — И Дэн оглушительно расхохотался. — Ну, мелкий, держись: папаша тебе... Нет, даже вообразить не могу, что он с тобой сделает. Ищи себе новую квартиру, понял? На твоём месте я бы собрал вещи заранее, как зэк перед побегом. Бери только самое ценное и не больше, чем можешь унести в одной руке. Чтоб второй рукой отбиваться!

Я решил: прежде чем идти к отцу с повинной, прогуляюсь по району. Соберусь с мыслями. Прогулка затянулась. К дому я повернул только через час. Отец сидел на веранде. Похоже, настроение

у него было хорошее. “Сейчас или никогда”, — сказал я себе.

— Послушай, пап, я тебе кое-что должен сказать... такое... неожиданное, — проговорил я, пристроившись на край соседнего шезлонга.

— Ты мне должен сказать что-то неожиданное? Ну-ну... И чего такого неожиданного скажешь?

— В-общем, есть такая штука — “Твиттер”...

— Знаю! “Твиттер”-шмиттер! Ты со мной так разговариваешь, будто я ни хера о жизни не знаю. Знаю я твой “Твиттер”. Чтобы попасть в “Твиттер”, надо включить интернет, — сказал он, изобразив международным жестом, словно поворачивает ключ зажигания.

Тут-то я все и выложил: страница в “Твиттере”, фолловеры, статьи в газетах, издатели, телекомпании — все как на духу. Он выслушал меня молча, не поднимаясь с шезлонга. Потом расхохотался, вскочил, разгладил ладонями брюки... и спросил:

— Ты мой мобильник нигде не видел? Звякни-ка на него сейчас же. Не пойму, куда он мог задеваться...

— Значит, ты... э-э-э... не против? Ничего, если я напишу книгу, включу в нее твои слова, ну и все такое? Ты не будешь возражать?

— Мне пофиг. Плевал я, что обо мне люди думают. Публикуй что хочешь. Два условия: во-первых, я никому интервью давать не стану. Во-вторых, все гонорары оставь себе. Мне твои деньги без надобности — своих до хренища. А теперь позвони наконец на мой мобильник, будь он неладен.